

Андрей Ефремов (Брэм)
Роман Капитонов

БОЕВАЯ
РАБОТА

ЭХО ВОЙНЫ

Роман Капитонов
Андрей Николаевич Ефремов (Брэм)
Эхо войны
Серия «Боевая работа», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805746

Аннотация

Война – это страшно. Война – это не эффектно как в кино. Война – это грязь и пот, несправедливость и верность, честность и грусть. Война – это тяжкий груз боли от потерь. Роман Капитонов прошел все ужасы войны в Афганистане и выжил. Был убит в мирное время и в мирном городе. Его «Дневник» – это все, что он оставил в память о себе. Это не очередная книга о войне, этот дневник – результат мук совести и желание выплеснуть то, что накопилось в душе за годы на войне: жестко, честно, по-мужски. В книгу вошли также рассказы составителя сборника Андрея Ефремова (Брэм).

Содержание

От составителя	5
Память	12
Эхо войны	14
Призывник	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Роман Капитонов,
Андрей Ефремов (Брэм)
Эхо войны**

От составителя

Мир. Этот «Дневник», которому Роман Капитонов дал название «Эхо войны» был опубликован в семи или восьми номерах якутской газеты «Эхо столицы» в первой половине 2000-го года. Признаюсь – в то время эти публикации мне на глаза не попадались. Узнал о том, что он писал, только после его смерти. Ветерана войны, молодого пенсионера, инвалида, убили в мирном городе и в мирное время, – банальная уголовщина.

Война. «Я направил ствол и... сделал. «Убиваешь не ты, – подумал я, – убивает твой автомат, ты только нажимаешь на курок. Трудно убивать, ножом или рукой. Самое главное, чтобы после твоего выстрела человек сразу же умер, не мучился». Эта страшная запись из дневника Романа, – он выполнял приказы «лживого и вонючего правительства», не скрывал того, что делал будучи простым солдатом там, на войне, не скрывал своего раскаяния, не скрывал липкого чувства омерзения от действий родного правительства. Писал прямо, без оговорок. Писал, не выпячивая своего «Я». Писал просто, как мысли вслух.

«Неужели мы рождены ради того, чтобы погибать и остаться в памяти миллионов незнакомых нам людей (как было сказано в приказе о награждении его друзей посмертно). Зачем? Ради чего?!» – это слова Романа по поводу гибели его друзей на войне. Возможно, его Дневник – результат мук совести, возможно – он хотел выплеснуть то, что нако-

пилося в его душе за одиннадцать лет жизни на войне: крик в народ равносителен исповеди Богу – это очищает душу, снижает Горечь, Обиду и Боль с души; его статьи шли под рубрикой «Болевая точка». Роман публиковался под своим именем, это тоже смелость.

«...Все воспринимается обостренно, любая несправедливость, нервы, как оголенные провода... Но никого и никогда, пока я здесь [в мирной жизни], не ударил, даже не нагрубил. Почему? Просто я никому после Афгана уже не могу, не хочу делать больно»...

В отряде милиции особого назначения друзья звали Романа – Рома Динамит – это из-за его последней воинской специальности – сапер. В Чечне как-то приклеилось шутивное – Прометей: при розжиге буржуйки на нем загорелась одежда, и, для того чтобы в тесной палатке до отказа набитой вооружением и взрывчатыми веществами не возник пожар, Роме пришлось выбежать из нее. Мало кто знает – по выходе на пенсию, Роман продолжал работать в секретной оперативной службе. Вот такой он был беспокойный человек.

Дать вторую жизнь его труду меня попросили его друзья. Нашел все выпуски газеты «Эхо столицы» с его публикациями (публикации в так называемой «толстушке» – итоговый номер в конце недели, сама газета – ежедневная) в библиотеке Северо-Восточного Федерального Университета, но в одном из номеров одна страница была вырвана – так и осталось невыясненным – были ли на этой странице его записи. Руко-

пись в редакции не сохранилась. Роман был круглым сиротой, спросить даже черновые наброски не у кого. Автор не претендует на соавторство «Дневника».

При правке текста я как мог, по возможности, убирал все многочисленные «любимые» слова Романа: «и тут», «опять», «начал», «потом». Для того, чтобы дать неискушенному в армейских оборотах мысли читателю понять о чем идет речь, вставил «смысловые мостики» между некоторыми абзацами – текст от этого не пострадал.

Первоначально текст «Дневника» был мной выставлен на сайте авторов и писателей ветеранов и участников локальных войн «ArtOfWar» (Искусство войны) в 2011 году. «Эхо войны» Романа Капитонова до сего дня вызывает интерес читателей, имеет множество перепубликаций на различных, как военных, так и литературных сайтах.

По поводу «Дневника» Романа Капитонова поступили дельные замечания от ветеранов афганской войны: вот что пишет Воронин Анатолий Яковлевич (Астрахань), на протяжении двух лет он был советником спецотдела Царандоя Кандагарской провинции. Последние четыре месяца афганской командировки он исполнял обязанности старшего советника МВД СССР в провинции Кандагар. Принимал непосредственное участие в 26-ти боевых операциях, в том числе – девяти крупномасштабных. В феврале 1995 г. и октябре 1996 г. командировался в Чечню для выполнения спецзаданий. В 1997 году в звании подполковника вышел в отстав-

ку. Награжден правительственными наградами, в том числе, орденом Красной Звезды, орденом Слава (ДРА), медалями СССР, ДРА и РФ): «По состоянию на 1986-88 г.г. в Кандагаре не было полка ВДВ, а был Второй батальон. И стоял он не в Кандагаре, в прямом понимании этого слова, а на Майдане, то бишь – в аэропорту, где, собственно говоря, дислоцировалась основная часть советских воинских подразделений, не считая л/с размещенного на заставах. Хотя, есть одно небольшое уточнение. Несмотря на то, что Кандагарская бригада была мотострелковой, афганской стороне, «по-секрету», она представлялась как спецназовская. Делалось это с той целью, чтобы скрыть истинное предназначение 22-й Бригады СПн в Лошкаревке. Да и про мотострелковые батальоны Бригады речь шла как за ВДВэшные. Уж на что я, советник, и то поверил в эту дезу, настолько, что искренне верил, что батальоны именно десантные. Да и сам Варенников на многочисленных совещаниях о них вел речь как о десантных. Не мудрено, что простой шурави мог за истину принять именно то, что слышал своими ушами».

На отдельные вопросы читателей: «Зачем механиков возят вертушками и гоняют в горы, а где их броня»? Воронин отвечает:

«Если речь идет именно о Кандагаре, то вертушки с личным составом на боевые летали исключительно с десантурой и спецурой. Были переброски вертушками л/с Бригады и советников в соседние провинции, чаще всего в Заболь и

Гильменд, но то отдельная тема. Механикам-водителям и на земле хватало работы».

«Почему все советские части из Кандагара вывели до 15 августа 88-го, а этот батальон (или полк?) оставили до января 89-го»?

«После августа 1988 года в Кандагаре не оставалось ни одного советского военнослужащего, кроме малочисленной группы агентурщиков из ГРУ. Иногда, в Кандагар наведывались советники МВД из Кабула, но то были одномоментные визиты, связанные с проведением контрольных мероприятий. Да и где мог дислоцироваться в Кандагаре тот самый полк, если все строения 70-й ОМСБр в августе 1988 года были переданы афганской стороне».

Поступили правки и от ветерана-афганца В. Сергеева:

«Если я ничего не путаю, то колонна, которая могла разгрузиться в Шинданде должна была идти из Кушки – Турагундей на Герат и уж потом на Шинданд. В тексте маршрут ниточки: Термез – Хайратон – Кабул. Шинданд далековато будет... Опечатка, видимо. Наверно в Мазарях или Пули Хумри? И еще опечатка. Полк 217 в Афгане? Наверно 317 ГВПДП Кабульский, но тогда получается что-то кривовато: «оторванным» батальоном мог быть только 3 бат в Шахджое»...

Несмотря на нестыковки в тексте, известно одно – у Романа было огромное желание писать, он знал о чем пишет; этот «дневник», я считаю, лишь черновой набросок прошедшего

через горнило войны автора. Ещё совсем немного времени и он написал бы полноценную книгу.

Дневник Романа перемежаю статьями журналистов – тоже память. Выражаю благодарность: работнику библиотеки СВ-ФУ (ныне пенсионеру) Хамаровой Татьяне Петровне, ветеранам боевых действий Борису Алексееву (Якутск) и Рыбак Эмиру (Литва), журналисту Виктории Габышевой, и всем равнодушным людям за оказанную помощь.

Андрей Ефремов (Брэм)

Память

В предновогодние дни (2000 г.) в редакцию подошел молодой человек. Мы были страшно заняты последней в году «толстушкой»,¹ всюду царила предпраздничная суматоха. А он тихонько стоял у дверей, стянув с головы лохматую шапку, и, наконец, подошел ко мне:

– Вот, рукопись у меня. Мне посоветовали обратиться к вам. Может, посмотрите?

– Посмотрю, – пообещала я, закинув пачку мелко испи-санных мятых листочков в верхний ящик стопа, – вы приходите после праздников.

– Хорошо, – покорно сказал он, но не уходил, очевидно, что-то осталось недосказанным, а может, ему трудно было расстаться со своей рукописью. Почувствовав неловкость, я спросила:

– Это вы написали?

– Да. Это мои воспоминания, а может, дневник. Как вам больше понравится. Я ветеран Афганистана...

Сколько живу, не могу привыкнуть к слову «ветеран», когда оно применимо к молодости. Война – это всегда страшно. И страшно вдвойне, когда твой ровесник, а порой даже парень, гораздо младше тебя, видит смерть, убивает, и сам

---

¹ Пятничный выпуск газеты, в котором публиковались все новости за неделю.

может быть убитым в любую минуту. И страшно, что ветераны – это не только старики, убеленные сединами, а вот такие молодые люди, знающие о войне не понаслышке...

«Я приду...», – сказал он. Но не пришел. И каюсь, я даже не спросила – ни как его зовут, ни где его искать. Но, продираясь через колючий почерк, я с удивлением, восхищением и запоздалым раскаянием поняла, что эта мини-повесть обязательно должна быть напечатана. Если бы можно было вернуть тот день, узнать фамилию, поговорить нормально, сфотографировать парня, в конце концов...

Судя по записям, его зовут Роман Капитонов, но вполне возможно, это псевдоним.

В очень простых, порой безыскусных, а где-то и неумелых строчках столько искренности, непосредственности и чистоты, что это задевает, заставляет думать и переживать.

Любители острых ощущений не найдут в повести описаний боев, разрывов снарядов и разлетающихся в разные стороны человеческих тел, по крайней мере, в первой части. Это действительно воспоминания – записи простого якутского паренька, пока только солдата, «духа». Я надеюсь, что вещь моего знакомого (по повести) незнакомца найдет отклики в душе читателя.

А автора я убедительно прошу прийти в редакцию и обещаю, что обязательно расскажу о нем.

Виктория ГАБЫШЕВА

в те годы журналист газеты «Эхо столицы»

Эхо войны

Дневник Романа Капитонова

Призывник

8 мая 1987 года, 7 ч. утра

Утро сегодня солнечное. Я заметил – так бывает всегда перед праздником День Победы. А ведь только вчера моросил дождь, казалось, конца-края ему не будет. Было очень грязно и холодно. И хотя от общаги до учебного корпуса всего-то метров двадцать пять, пока дошли, ноги стали такими тяжелыми от прилипшей грязи, будто в ботинки налили свинец.

Светит ласковое весеннее солнце. Сегодня у нас всего две пары, а после обеда будем готовиться к празднику. Пока я лежу и думаю о том, какой прекрасный предстоит день, к нам без стука вошла комендант Шура. Сейчас она начнет нас разносить и тратить свои драгоценные нервные клетки. Про Вальку Стручкова скажет, что он будущий хронический алкоголик, про Игоря Лебедева – что он способный Дон Жуан, и горячо пожелает, чтоб он со второго этажа упал, когда будет лезть к девушкам в их общежитие. Мне же скажет, что меня не зря в армию забирают, и что я вообще не должен был быть в СПТУ, а работать где-то в порту грузчиком, а

лучше всего ассенизатором. После чего она пойдет дальше – мучить и убивать свои нервные клетки...

8 мая 1987 года, 13 ч. 30 м

После очередных пар занятий мы приколачивали красный плакат с надписью «С Днем великой Победы советского народа над фашистской Германией». Ленка Саввинова идет. По ней все СПТУ, если еще и не весь поселок сохнет, а ведь, дураки, не понимают, что она любит только «первых».

Кстати, завтра будут соревнования по легкой и тяжелой атлетике, а также по вольной борьбе. Я ей тогда покажу, подумашь, она только «первых» любит. Ну вот, она прошла, взяла ведро и начала мыть стены, кокетливо поглядывая на нас, т. е. в нашу сторону, потому что она знает – все училище сохнет по ней. Я не понимаю – ей, по-моему, это приносит какое-то особое удовольствие. Павлик Томский вены себе вскрывал из-за нее... А она вместо того, чтобы вообще уехать из училища, еще пуще начала дразнить его. То записки шлет, то на свидание зовет, сама потом не приходит. А Павлик, простой парень, простоит зимой в пятидесятиградусный мороз два-три часа и приходит в общагу весь обледеневший. Мы ему и так объясняли, и эдак – ну никак до парня не доходит...

Ну вот, по-моему, приколотили нормально.

– Капитонов! Стручков! Лебедев! – Это наш военрук подошел, раскомандовался, – Портнягин, Прокопьев, Леонтьев, Хорунов! Заканчивайте работу, быстро собирайте ве-

щи, получите продовольствие на три дня, в канцелярии получите документы.

Значит, не 17 мая, а сегодня мы отправляемся вставать под славные армейские знамена. Мы этого, конечно же, ждали. Но все равно как-то неожиданно получилось.

– Товарищ старший лейтенант! – Это у меня со школы осталось – по званию обращаться к военруку, а не по имени-отчеству.

– Ну что тебе, Капитонов?

– Понимаете, я, то есть, за меня паек, деньги и документы возьмет Игорь Лебедев. Разрешите на некоторое время отлучиться. Она здесь недалеко живет. – слова «моя девушка» я пропустил, но военрук и без того понял, с кем я хочу попрощаться.

– Ладно, только побыстрей.

– Есть!

Я бежал сломя голову: боялся – не ушла ли она на работу. Спотыкаясь, зашел к ней домой и спросил у ее матери, где Света. Она сказала: «Пройди в комнату, она спит». Я зашел, но будить ее почему-то не стал: или я заранее знал, или просто думал, что она все равно не дождетя меня, и не хотел обременять ни ее, ни себя...

«По машинам!» – раздалась команда военрука, и мы быстро начали рассаживаться в автобус. Мне было жаль Павла Томского, он смотрел на нас и чуть не плакал. Ведь его сочли

негодным из-за той истории, когда он вскрывал себе вены. Ему оставалось только завидовать нам. Наконец взревел мотор нашего ПАЗика, и наше СПТУ стало уходить все дальше и дальше...

18 мая 1987 года, 20 ч

– Ну что, молодняк, вешайтесь!..

Это было первое знакомство с нашим будущим замком-взвода сержантом Лагутиным. Такого обилия матерного лексикона, я, пожалуй, ещё нигде не слышал. Надеюсь, привыкну. А куда деваться? Удивительно – кажется всё понятно без перевода.

– Вы прибыли (бип, бип) где будете служить (бип, бип) два года. Так что будьте любезны (бип, бип) распорядок дня (бип, бип), тяжести и лишения (бип, бип) военной службы. В пути следования (бип, бип) вести себя (бип, бип) соответственно (бип, бип) и прочее (бип, бип)...

Через полчаса прослушивания инструктажа мы отправляемся на УРАЛах в знаменитую учебку «Дурдом Солнышко».

Ехали мы долго, где-то два или чуть больше часов. Наконец, приехали глухой ночью. Когда мы повыпрыгивали из кузова, я еще подумал, что попали в черту города, так как в пределах видимости было множество жилых домов. Затем нас привели в казарму, где сразу же уложили спать...

19 мая 1987 года, 6 ч. 30 м

– Ты что, охренел, салага! Подъем!

Когда я проснулся от удара сапогом, тогда только понял,

что нахожусь не дома, а в армии, и что строй уже стоит.

– Ладно, на первый раз прощаю, – эти слова для меня прозвучали как свежий и чистый воздух после длительной нехватки кислорода.

19 мая 1987 года, 8 ч. 30 м

От казармы до столовой, наверное, метров двести-двести пятьдесят. Мы, красивые и голодные, шли идеальным строем, с песней, наматываю круги по плацу, минут пятнадцать. Нас завели в столовую, приказали сесть, перед нами уже были тарелки с какой-то баландой, чай в железных кружках, по два куса черного хлеба, по куску белого, по два кусочка сахара и по маленькому (всего 20 грамм) кусочку масла.

– К приему пищи приступить!

Как-то всё быстро произошло.

– Закончить прием пищи! Встаать!

До казармы опять с песней, конечно строем, на этот раз минут за двадцать.

В казарму я вошёл голодный.

19 мая 1987 года, 9 ч. 00 м

– Ну что, сынок, не кормили тебя в детстве, что ли? Че такой маленький-то? Э-эх, наберут в армию детей, потом му-чайся с ними...

С этими словами пожилой прапорщик начал копаться в стеллажах, подыскивая подходящую обувь, тельняшку, брюки и китель. Панаму, правда, выдал большую, со словами:

– Головной убор – это не ботинки, голову не натрешь.

Затем посмотрел на меня пристально и спросил, в какую роту определили, я ему и отчеканил:

– В четвёртую учебную десантно-штурмовую роту, товарищ гвардии прапорщик!

Помню, как он на меня посмотрел с сожалением и сказал, явно не в мой адрес: «Суки, что же вы делаете!»...

Эти слова и этот взгляд я вспомню и пойму много позже, когда буду сталкивать горящий бензовоз под Джелалабадом вместе со сгоревшими в том бензовозе пацанами.

После посещения склада нас повели в баню, если это можно назвать баней. В предбаннике сняли гражданку, написали бирки и адреса – куда посылать одежду, засунули в мешки и сдали банщику. После чего голыми завели в баню и начали обливать водой из тазиков и выгонять из бани. Я одного не понял: зачем тогда надо было выдавать мочалки и мыло.

Выходили уже с другой стороны. Там, на другой стороне, тоже был предбанник. С этого момента начались кошмары, как нам тогда казалось, тут же все напялили форму, и началась наша армейская жизнь...

– Становись! Меня зовут гвардии прапорщик Лопатин. Я старшина четвёртой учебной роты. Весь этот учебный период заменю вам всем мать и отца, – этими словами представился нам старшина гвардии прапорщик Лопатин, впоследствии названный нами «Лопата» не столько потому, что его

фамилия соответствовала этому прозвищу, сколько потому, что он умел владеть этим инструментом, как Брюс Ли – нунчаками. Наверно, оттого, что долгое время служил в спецназе ВДВ инструктором по рукопашному бою, а в Афгане – командиром разведдесантного взвода в Мозари-шарифе. После долгого объяснения и разъяснения о службе в ВДВ, в частности, в нашем учебном полку, он повел нас на так называемую «экскурсию».

25 мая 1987 года, 11 ч. 00 м

– Ррроотааа!.. Отставить! Рррроотааа!.. Не слышу роты!.. Стой! Раз, два! Товарищи солдаты, я вам еще раз объясняю, то есть объясняю для особо тупых: по команде: «Рррота!» переходи сразу на строевой шаг! Нога поднимается на 20–25 сантиметров. Печатаем шаг. Вопросы?!!

Строй гаркнул: «Никак нет!». Раздался страшный рык:

– Напрааа-во! Строевым! На ВДК² шаго-ом – марш! Земля задрожала под ногами гулко и синхронно. Нам тогда всем, по-моему, было немножко не по себе слышать, как гудит под ногами земля.

Так начались наши первые занятия в этом прославленном УДШП³. Нас сразу же начали обучать, как отделяться с борта, как действовать в особых ситуациях в воздухе, при сходе, при частичном и полном отказе купола и т. д., и т. п.

---

² Воздушно-десантный комплекс, где проходят предпрыжковую подготовку.

³ Учебный десантно-штурмовой полк

Жара стояла невероятная. Наше отделение отрабатывало «действия в воздухе», я висел на подвесной системе и думал о том, как хорошо сейчас у нас: мама, наверное, сделала кумыс, и о том, что закончился ледоход, и ребята сидят на берегу, рыбачат с закидушками и рассказывают разные истории о шаманах и призраках.

А наверху, на песке, девчонки и мальчишки играют в лапту. Ведь на гражданке не проходило и дня, когда бы мы не играли по вечерам в волейбол, лапту или же не рыбачили. Ведь было очень хорошо, как же все-таки быстро летит время.

– Товарищ солдат (бип-бип)!!! Не спи (бип-бип), а то замерзнешь (бип-бип)! – этими словами меня вернул в настоящее время от тех далеких счастливых дней сержант Лагутин и начал меня, так сказать, разносить неприличными словами; с его слов, я превращался то в мужские, то в женские половые органы, или же в птицу, обитающую, в основном, в Сибири, то есть в глухаря. После чего мне было предоставлено право сделать двадцать кругов почета вокруг ВДК – естественно, бегом и с ранцем.

По окончании накручиваний он подозвал меня к себе и как-бы извиняющимся тоном сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.